

УДК 81'42

**РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ФУНКЦИЯ, МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ**

*А.А. Калита, доктор филол. наук,
Л.И. Тараненко, канд. филол. наук (Киев)*

В статье раскрыты сущность и содержание известного в лингвистике и психологии множества дефиниций явления манипуляции. Путем использования кибернетического метода морфологического анализа и синтеза сложных систем сформулировано авторское определение понятия речевой манипуляции. На основе нового концептуального подхода сформирована структурно-когнитивная модель механизма порождения и декодирования смысла манипулятивного воздействия в коммуникации.

Ключевые слова: речевое воздействие, манипуляция, сферы духовного бытия, когниция, манипулятор, реципиент, речевая культура, аттрактор.

Калита А.А., Тараненко Л.І. Мовленнєва маніпуляція: визначення, функція, механізм реалізації. У статті розкрито сутність і зміст відомої в лінгвістиці й психології множини дефініцій явища маніпуляції. Шляхом використання кібернетичного методу морфологічного аналізу й синтезу складних систем сформульовано авторське визначення поняття мовленнєвої маніпуляції. На основі нового концептуального підходу сформовано структурно-когнітивну модель механізму породження й декодування смислу маніпулятивного впливу в комунікації.

Ключові слова: мовленнєвий вплив, маніпуляція, сфери духовного буття, когниція, маніпулятор, реципієнт, мовленнєва культура, аттрактор.

Kalita A., Taranenko L. Speech Manipulation: Definition, Function, Mechanism of Realization. The article reveals the essence and content of the known in linguistics and psychology variety of definitions of the manipulation phenomenon. Using the cybernetic method of morphological analysis and synthesis of complex systems the authors formulate their own definition of the notion of speech manipulation. On the basis of a new conceptual approach they suggest a structural-and-cognitive model of generating and decoding mechanism of the manipulative influence upon the utterance meaning in communication.

Key words: speech influence, manipulation, spheres of spiritual life, cognition, manipulator, recipient, speech culture, attractor.

Лингвисты, исследующие коммуникативную деятельность индивида, все более интенсивно осваивают в последнее время обширное пространство научного знания, продуцируемого рядом смежных дисциплин. Этим и объясняется повышение актуальности изучения феномена суггестивного воздействия, а также закономерностей и средств его реализации в коммуникации.

Многоуровневость и разнонаправленность подходов к изучению данного явления порождают в современных лингвистических исследованиях

определенное разнообразие терминов, которыми предлагается обозначать суггестивное воздействие. Чаще всего авторы работ используют такие понятия, как речевое воздействие [17; 32, с. 47], персуазивное воздействие [26, с. 63], персуазивный дискурс [45, с. 28], персуазивная коммуникация [36, с. 25–26], внушение [31, с. 16], манипуляция, нейролингвистическое программирование [5, с. 27], демагогия [24, с. 137] и т.п. Нередко в научных трудах термин “суггестивное воздействие” отождествляется с понятием “коммуника-

ция”, определяемым как процесс передачи индивидом вербальных стимулов с целью модификации поведения других индивидов [44, с. 12] или как регуляция поведения реципиента [20, с. 32] и т.д.

При этом используются термины “общение”, “речевое общение”, “речевая деятельность”, “коммуникация”, главным характеризующим признаком которых является момент взаимодействия, влияния, воздействия партнеров по общению друг на друга. Например, Н.И.Формановская определяет общение как коммуникативно-социальную деятельность по обмену различной информацией, т.е. как сообщение адресанта адресату некоего (информативного и фактического) содержания для воздействия на его интеллектуальную и/или эмоциональную сферу, регулирования практических и ментальных действий, согласования речевых/неречевых поступков, деятельности и отношений – ради достижения желаемого результата [33, с. 18–19].

В терминах системного подхода предлагается под воздействием в самом общем смысле понимать процесс, реализуемый в ходе взаимодействия двух или более равноупорядоченных систем, результатом которого является изменение в структуре (пространственно-временных характеристиках или состоянии) хотя бы одной из этих систем [16, с. 4–5; 6, с. 60]. В целом с этим согласуется следующее определение: психологическим естественно считать такое воздействие индивидуального или группового субъекта В, которое вызывает или предотвращает изменение психологических характеристик и проявлений индивида-реципиента А, в том числе относящихся к его деятельности / поведению в целом, его сознанию / бессознательнотельному [1, с. 57]. В более конкретном случае под психологическим воздействием понимается изменение психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счет использования психологических, социально-психологических закономерностей [7, с. 13; 19, с. 491]. И, наконец, в общем случае акт общения с точки зрения его целенаправленности на запланированный эффект предлагается [27, с. 34] определять

как психологическое воздействие.

Такое многообразие мнений естественно, поскольку в зависимости от концептуальных подходов и уровней рассмотрения общего явления суггестии, авторы, формулируя приведенные понятия, учитывают лишь определенную совокупность признаков, обеспечивающую им возможность построения эффективных теоретических моделей. И, тем не менее, очевидно, что вопрос предварительной классификации таких признаков является своевременным.

Не менее разнообразны, публикуемые в лингвистических и психологических источниках, определения явления суггестии как процесса влияния на психическую сферу человека. Они содержат, как правило, избыток конкретной информации о психофизиологических механизмах и вербально-гипнотических средствах реализации и протекания процесса суггестии (см., напр., [25; 18; 29, с. 697; 31, с. 16–17; 22, с. 241 и др.]). Кроме того, в существующем поле определений манипуляции и суггестии часто, а порой и не вполне обоснованно, употребляются такие сопряженные с ними понятия, как внушение, гипноз, зомбирование, нейролингвистическое программирование (НЛП) и т.п.

Ситуация осложняется тем, что подавляющее большинство авторов не затрудняет себя необходимостью дифференцировать главные стороны явления речевой манипуляции: ее функций, механизмов, способов, приемов и средств реализации, что в значительной степени осложняет восприятие научной картины явления речевой манипуляции.

Поэтому предпринятая нами теоретическая разработка имеет целью формирование общего для лингвистики определения явления манипуляции в речевой коммуникации, а также описание ее функций и механизмов реализации.

В соответствии с поставленной целью для анализа филологических и психологических формулировок понятия манипуляции в речевом общении нами была составлена матрица альтернатив смылосодержащих элементов дефиниций данного явления, сущность которых раскрыта в Таблице 1.

Таблиця 1

Матриця альтернатив смислосодержащих элементов формирования понятия манипуляции в филологическом и психологическом знании

№ п/п	СТРУКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ				[] КЛЮЧЕВЫЙ
	1. Целевой	2. Технологический	3. Духовный	4. Объектный	
	<i>основные смылосодержащие элементы формирования структурных комплексов</i>				
	Цель	технология	сознание, подсознательное, бессознательное	индивид, группа, массы	
	<i>содержащие элементы формирования</i>				
1	господство	скрытое насилие	сознание, подсознательное	-	[2]
2	господство	изменение внутреннего мира	сознание, подсознательное	-	[3]
3	обезволивание	скрытое применение власти	бессознательное	индивид	[43:8]
4	личный интрос	косвенное воздействие обмыванием путем	бессознательное		[50]
5	навязывание выбора	скрытое влияние	бессознательное	-	[47]
6	одержание победы	структурирование внутреннего мира	сознание, подсознательное	-	[48]
7	побуждение к действию	обман, игра на слабостях	сознание, бессознательное	индивид	[49]
8	использование кого-либо	психологическое подавление	сознание, бессознательное	индивид	[20]

Продолжение Таблицы 1

9	подчинение своей воли	скрытое принуждение	бессознательное	-	[38]
10	эксплуатация	психологическое давление	сознание	индивид	[39]
11	навязывание образа действий	скрытое возбуждение намерений	бессознательное	индивид	[6;58]
12	влияние на поведение	применение власти	сознание, подсознательное	массы	[41]
13	почтение своей воли	обезволивание и помыканье	бессознательное	индивид	[6]
14	побуждение к действию	дезинформация	сознание, бессознательное	индивид	[4]
15	изменение общественного мнения	косвенное воздействие, обман	сознание, бессознательное	массы	[17]
16	получение выгоды	создание ложной активности	сознание, подсознание	массы	[40]
17	навязывание идей, ценностей, действий	создание ложной картины реальности	сознание, бессознательное	массы, группа	[30]
18	влияние и управление	обман, пренебрежение	подсознательное, бессознательное	массы, группа	[46]
19	побуждение к определенной реакции	провоцирование	подсознательное, бессознательное	индивид	[21]
20	изменение поведения	профаммирование мнений и настроений	бессознательное	массы	[29; 757]
21	изменение психического состояния	тайное воздействие	бессознательное	индивид, группа	[12;11]
22	подчинение	воздействие через СМИ	сознание, подсознательное	массы	[34; 83]
23	контроль желаний	интеракционный коммуникация	сознание, подсознательное	индивид, группа	[42;211-212]

Отметим, что для разработки структурного алгоритма построения матрицы был использован известный кибернетический метод морфологического анализа сложных систем [23], ведущими принципами которого являются иерархическое соподчинение элементов системы (в нашем случае – структурные комплексы и структурные элементы) и ранжирование морфологических рядов (сходных по внешнему признаку элементов: цель, технология и т.д.).

Структурированное таким образом поле альтернатив смылосодержащих элементов понятия манипуляции показывает, что для построения общей дефиниции явления манипуляции необходимо и достаточно обозначить ее цель, сжато изложить технологию ее реализации, указать конкретные сферы духовного мира реципиента, на которые направлена манипуляция, и объект ее воздействия.

При анализе приведенных в матрице целей становится очевидным, что практически ни одна из них не отвечает поставленному выше условию формулирования общего для лингвистики определения, поскольку содержание каждой из них – конкретно. Кроме того, психологическая и лингвистическая практика наглядно свидетельствует о существовании явления манипуляции без осознанно поставленной коммуникантом цели (инстинктивное подражание реципиента родителям и друзьям, увлечение собеседником, очарование ребенка и т.д.).

Что же касается содержания формулировок технологии манипуляции, то в матрице в качестве альтернатив указаны либо отдельные конкретные пути манипуляции, либо приемы, методы и средства ее реализации. Это, как видим, также противоречит поставленному в цели работы условию структурирования общего определения.

К сожалению, существенной неполнотой характеризуется и совокупность смылосодержащих элементов третьего структурного комплекса матрицы, описывающего сферы духовного бытия реципиента. Эта неполнота заключается в том, что ни в одной из анализируемых формулировок не имеет место важнейшее триединство сознания, подсознательного и бессознательного [35, с. 439],

без которого, как это показано в работе [14, с. 210], коммуникация не может быть осуществлена.

Обобщение результатов изложенного анализа содержательного насыщения элементов матрицы (см. Табл. 1) позволило нам структурировать формулировку общей лингвистической дефиниции, в соответствии с которой *манипуляцией в речевой коммуникации является осуществляемое произвольно или с определенной целью скрытое не прямое психо-коммуникативное воздействие на реципиента, группу лиц или массу людей, обеспечивающее изменение взаимосвязанных алгоритмов и режимов функционирования их сознания, подсознательного и бессознательного.*

При таком подходе к проблеме становится очевидным, что в первой колонке матрицы (морфологический ряд целей) мы имеем дело, преимущественно, с подфункциями, совокупность которых подчинена скрытому не прямому подавлению мышления и/или воли реципиента как основной функции речевой манипуляции, обобщенной в дефиниции понятием скрытого не прямого психо-коммуникативного воздействия.

Следует также отметить, что рассмотренные конкретные подфункции речевой манипуляции, детерминируются, по сути, ее направленными на реципиента целями: навязывание выбора, побуждение к неестественному действию, подчинение своей воли, изменение мнения, управление мнением и действием, побуждение к определенной реакции, изменение психического состояния, контроль желаний, навязывание идей и ценностей и т.п. Это, на наш взгляд, вполне допустимо, поскольку в данном случае цель и подфункция выступают в роли неотъемлемых сторон диалектически взаимодействующего объект-субъектного единства.

Рассмотрение основных закономерностей работы механизмов, обеспечивающих функционирование речевой манипуляции, осуществлялось нами на основе фундаментальных положений современной концепции бытия духовной сферы коммуниканта [13, с. 90–91; 14, с. 205–213], которые предварительно были апробированы в работах [8; 10; 11].

Подчеркнем, что важным моментом такого рассмотрения выступало дополнительное деление сферы духовного бытия индивида на *экзистенциальную* сферу (область бессознательного) с присутствием ей эмоциональным мышлением, *ментальную* (область подсознательного) с эмо-рациональным мышлением, *трансцендентную* (также область подсознательного) с рациональным мышлением и *сознание* с его логическим мышлением.

При этом мы исходили из алгоритма [14, с. 210] взаимного функционирования указанных сфер, в соответствии с которым, во-первых, высказывание, продуцируемое манипулятором с определенной интенцией, аккумулируя энергии всех уровней его мышления и, будучи проконтролированным сознанием, материализуется в коммуникации. Во-вторых, при этом подразумевалось, что информация, фиксируемая сознанием реципиента, поступает одновременно во все остальные сферы его духовного бытия и в результате взаимодействия энергий этих сфер вырабатывает ответную реакцию в виде речемышления или мыследействия. Кроме того, как специфическая особенность коммуникации вообще и манипулятивной ситуации в частности нами учитывалась способность реципиента к

неполному, ошибочному, а, порой, и противоположному для него декодированию смысла высказывания.

Таким образом, была сформирована структурно-когнитивная модель функционирования механизмов порождения и декодирования смысла манипулятивного воздействия в коммуникации, приведенная на рис. 1.

Модель представляет собой систему, состоящую из двух подсистем (или отдельных систем) духовного бытия манипулятора и реципиента. Соответственно требованиям системного подхода, каждая из указанных систем функционирует в определенной, ограниченной оболочке среде – сфере речевой культуры коммуниканта. Заштрихованная на рис. 1 зона пересечения указанных сфер манипулятора и реципиента, является зоной совпадения их речевых культур. От качественной и количественной сторон этой зоны и зависит адекватность/неадекватность декодирования реципиентом информации (смысла высказывания), посылаемой манипулятором. Как правило, доминирующей характеристикой рассматриваемой зоны является совпадение/несовпадение архетипов речемыслительной и мыследеятельной культур коммуникантов.

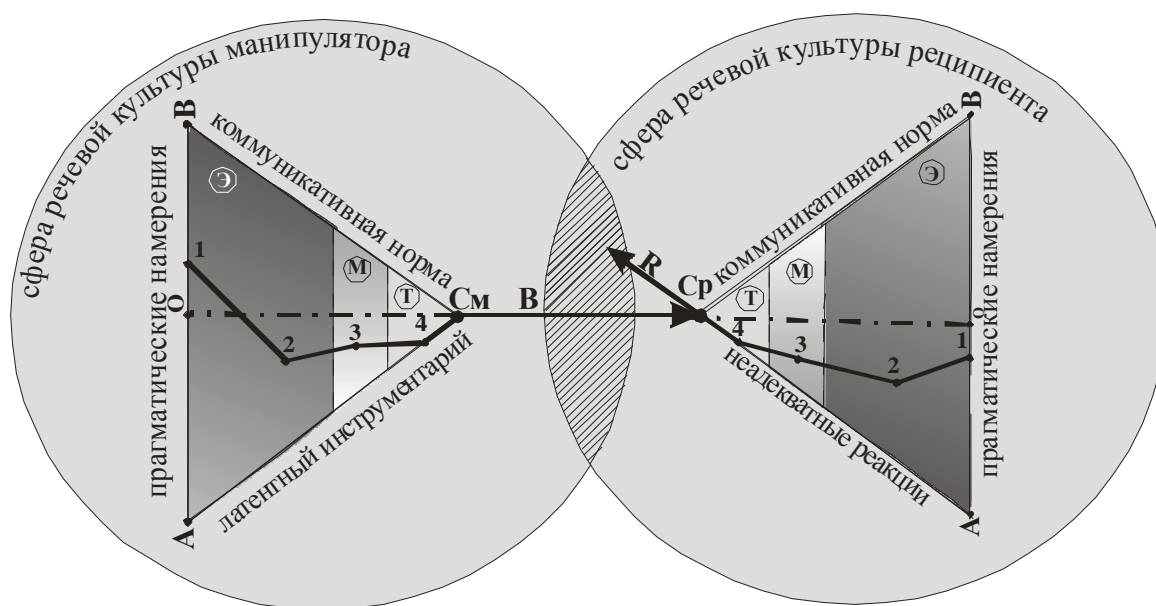

Рис. 1. Структурно-когнитивная модель функционирования механизмов порождения и декодирования смысла манипулятивного воздействия в коммуникации

Очевидно, что, используя модель рис. 1, мы можем в рамках левой сферы рассматривать механизм материализации высказывания манипулятором, а в правой – соответствующий механизм перцептивно-визуального и логического декодирования содержания сообщения реципиентом.

Так, в левой части модели внутри сферы речевой культуры манипулятора мы имеем дело с типичной сложной неравновесной саморазвивающейся системой его духовного бытия, функционирующей в сфере речевой культуры. Зарождающиеся в этой системе прагматические намерения (АВ), трансформируются в конкретную цель манипулятора, изображенную точкой 1. Далее под воздействием параметров порядка (латентный инстру-

ментарий манипулятора и коммуникативная норма) структура-аттрактор (путь) 1-См саморазвития системы, состоящая из частных аттракторов 1-2, 2-3, 3-4 и т.д., формируется в трех (экзистенциальная, ментальная, трансцендентная) сферах, или на трех уровнях духовного бытия говорящего [15, с. 132–163; 11]. Сформировавшись в психической сфере манипулятора, высказывание, будучи проконтролированным его сознанием (точка См), материализуется в письменной или устной форме (вектор В).

Для повышения наглядности описания механизма манипуляции обратимся к модели формирования смысла и формы манипулятивного воздействия в устной коммуникации (рис. 2).

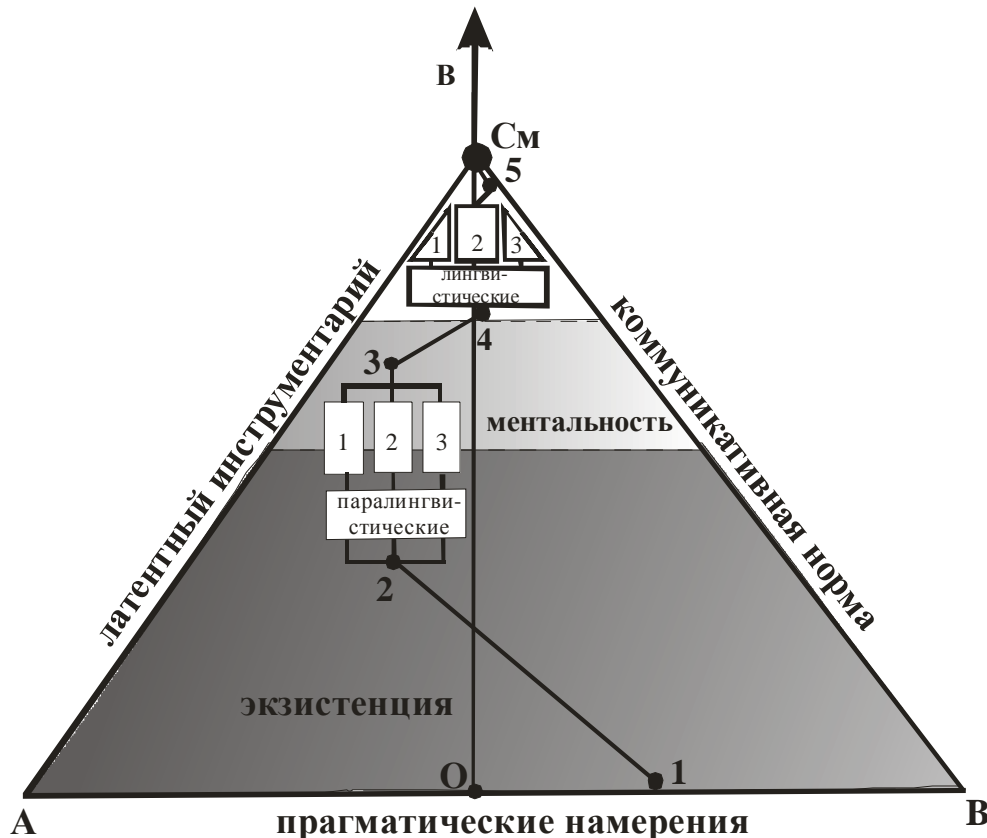

Рис. 2. Модель формирования говорящим смысла манипулятивного воздействия в устной коммуникации

Условные обозначения:

лингвистические средства: [1] – фонетические, [2] – лексико-грамматические, [3] – стилистические;
паралингвистические средства: [1] – кинесические, [2] – проксемические, [3] – гаптические

Из модели видно, что зародившаяся в бессознательной сфере цель манипуляции (точка 1), формализуется в виде аттрактора 1-2, отклоняющегося в сторону латентного инструментария (сторона АСм) как параметра порядка. Такое развитие аттрактора явно свидетельствует о скрытых намерениях говорящего.

Отметим здесь, что в обоснованной нами концепции функционально-энергетического подхода к механизму актуализации высказывания [9] выбор паралингвистических средств коммуникации происходит, преимущественно, в сфере его подсознания, разделяемой [35, с. 439], соответственно, на сферы бессознательного (экзистенция) и предсознательного (ментальность). Поэтому на модели рис. 2. сложный частный аттрактор 2-3 выбора паралингвистических средств коммуникации развивается в духовной сфере коммуниканта внутри ее экзистенциального и ментального уровней. Исходящие из точки 2 параллельные ветви сложного частного аттрактора 2-3, являются результатом выбора кинесических, проксемических и гаптических паралингвистических средств коммуникации. Выбор указанных средств осуществляется на основе существующих в памяти манипулятора трех соответствующих им вееров архетипичных альтернатив. Завершается данный выбор синтезом проксемики, кинесики, гаптики и т.п. в точке 3, также тяготеющей к латентному инструментарю как параметру порядка. Затем имеет место саморазвитие простого частного аттрактора (3-4), завершающееся в точке 4 трансцендентной сферы духовного бытия индивида с характеризующим ее рациональным типом мышления. Отклонение точки 4 в окрестность мнимой оси идеальной актуализации высказывания (О-См) свидетельствует о рациональной необходимости поиска психикой манипулятора компромисса между латентными намерениями и коммуникативной нормой, существующей в сфере его речевой культуры. Конечная точка частного аттрактора (4) является одновременно исходной точкой следующего частного сложного аттрактора 4-5, отражающего выбор манипулятором лингвистических средств комму-

никации. Здесь (точка 5) очевидно стремление говорящего использовать коммуникативную норму для достижения максимального манипулятивного эффекта, т.е. стремление манипулятора расширить зону совпадения его речевой культуры с культурой реципиента. Далее происходит саморазвитие последнего частного аттрактора 5-См, результаты которого, будучи обработаны сознанием, материализуются в рассматриваемом случае в форме высказывания (вектор В). Остается лишь отметить, что в случае рассмотрения письменной коммуникации подсистему выбора паралингвистических средств (см. рис. 2) необходимо заменить в модели подсистемой выбора графических, пиктографических, образно-наглядных и т.п. средств, а в подсистеме выбора лингвистических средств аннулировать фонетические.

Для рассмотрения механизма декодирования смысла манипулятивного воздействия реципиентом, обратимся к правой половине модели рис. 1. В сферу его духовного бытия как сложную открытую неравновесную систему, ограниченную треугольником АСрВ, от манипулятора поступает информация (вектор В), расщепляемая сознанием (точка Ср) на ее перцептивно-визуальные и логические составляющие, параллельно и одновременно достигающие трех описанных выше сфер его духовного бытия: экзистенциальной, ментальной трансцендентной. Поскольку обязательным условием манипулятивной коммуникации является ожидание от индивида ответной реакции, то необходимым для ее протекания параметром порядка в саморазвивающейся системе духовного бытия реципиента, как и бытия манипулятора, остается коммуникативная норма. Однако в случае достижения манипулятором планируемого эффекта, вторым параметром порядка управления саморазвитием структуры аттрактора 1-Ср ответной реакции реципиента (речемышление и мышледействие) выступают заложенные в его психической сфере неадекватные реакции. Мы видим, что в рассматриваемом примере, изображенный в координатах системы АСрВ, аттрактор саморазвития ответной реплики/действия реципиента (вектор R) тяготеет

к его неадекватным реакциям как параметру порядка. Это и является убедительным доказательством того, что манипулятивное воздействие достигло своей цели, вследствие чего, в отличие от вектора манипулятивного воздействия В (рис. 2), отражающего компромисс между коммуникативной нормой и латентными намерениями манипулятора, вектор ответной реакции реципиента R (рис. 1) характеризуется неадекватной направленностью.

Отметим при этом, что источники неадекватной реакции реципиента, а, следовательно, и порождения соответствующего параметра порядка, могут корениться в каждой из описанных выше сфер сознания (логическая) и подсознания (рациональная, эмо-рациональная, эмоциональная). В свою очередь, толчком, или исходной синергетической точкой хаотического саморазвития процесса актуализации неадекватной реакции могут являться [14, с. 97–126] любые, порой неосознаваемые индивидом, ничтожно малые внешние воздействия (напр., пренебрежительность тона манипулятора, нотки его хамства, легко декодируемая ложь и т.п.) или энергетически слабые параметры состояния психосферы адресанта (напр., какие-либо его комплексы, состояние дисгармонии, собственные недооценка/переоценка и т.п.).

Мы надеемся, что предложенное в работе системно-концептуальное видение и моделирование механизмов реализации речевой манипуляции послужит новым стимулом для более глубокого изучения и осмысления лингвистами ее феноменологических сторон и парадоксов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балл Г.А. Анализ психологических воздействий и его педагогическое значение / Г.А. Балл, М.С. Бургин // Вопросы психологии. – 1994. – № 4. – С. 56–66. 2. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления / Б.Н. Бессонов. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 295 с. 3. Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д.А. Волкогонов. – М. : Воениздат, 1983. – 288 с. 4. Грачев Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Гра-

чев, И. Мельник. – М. : Эксмо, 2003. – 112 с. 5. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. – СПб. : Питер, 2008. – 320 с. 6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М. : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с. 7. Кабаченко Т.С. Активизация человеческого фактора: методы психологического воздействия / Т.С. Кабаченко // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – № 4. – С. 11–22. 8. Калита А.А. Синергетическая концепция порождения интерферированной речи билингвом / А.А. Калита, О.Р. Валигура // Языки и этнокультуры Европы: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная юбилею доктора филологических наук, профессора Натальи Николаевны Ореховой / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов, 2010. – С. 205–217. 9. Калита А.А. Функционально-энергетический подход: механизм актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А.А. Калита, А.В. Клименюк // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2004. – Харків : Константа. – № 635. – С. 70–78. 10. Калита А.А. Обоснование синергетической модели анализа устной речи / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Матеріали II Міжнародної науково-методичної конференції “Формула компетентності перекладача” (23 березня 2011 р.). – К. : НТУУ “КПІ”. – 2011. – С. 102–105. 11. Калита А.А. Синергетизм порождения и актуализации фоноконцепта / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Наукові записки. – Вип. 96 (2). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В.Винниченка. – 2011. – С. 213–219. 12. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : ЭКСМО, 2005. – 832 с. 13. Клименюк А.В. Модели концептосферы и механизмов когнитивного мышления индивидов / А.В. Клименюк // Наукові записки. – Вип. 81 (3). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 4 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В.Винниченка. – 2009. – С. 88–104. 14. Клименюк А.В. Знание, познание, когниция : монография / А.В.Клименюк. – Тернополь : Підручники і посібники, 2010. – 304 с. 15. Клименюк О.В. Методологія та методи наукового дослідження : навч. посібник / О.В.Клименюк. – К. : “Міленіум”, 2005. – 186 с. 16. Ковалев Г.А. О системе психологического воздействия. (К определению понятия) / Г.А. Ковалев // Психология воздействия (проблемы теории и практики) : сб. науч. тр. / АПН СССР. НИИ общей и пед. психол. / Ред. Бодалев А.А. – М. : Изд-во АПН СССР, 1989. – 153 с. 17. Кожина Н.С. Феномен речевого воздействия и коммуникация /

- Н.С. Кожина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lingvomaster.ru/articles.php>. 18. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М. : ЭКСМО, 2006 – 672 с. 19. Куницина В.Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В.Н. Куницина, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с. 20. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 216 с. 21. Манипуляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psyberia.ru/psyhodiary/manipulation>. 22. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация / Е.В. Медведева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 280 с. 23. Одрин В.М. Морфологический анализ систем. Построение морфологических таблиц / В.М. Одрин, С.С. Картавов. – К. : Наукова думка, 1977. – 148 с. 24. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1984. – 796 с. 25. Осокина С.А. Языковые механизмы воздействия на человека: монография / С.А. Осокина. – Барнаул : Графикс, 2007. – 224 с. 26. Полуйкова С.Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе / С.Ю. Полуйкова // Вестник Перм. ун-та. Серия : Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4(10). – С. 63–67. 27. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Под ред. А.А. Леонтьева. – М. : Наука, 1974. – 146 с. 28. Сагатовский В.Н. Социальное проектирование (к основам теории) / В.Н. Сагатовский // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск, 1980. – С. 83–89. 29. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 1599 с. 30. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovari-online.ru/word/>. 31. Сугестивні технології маніпулятивного впливу : навч посібник / В.М. Петрик, М.М. Присяжнюк, Л.Ф. Компанцева, Є.Д. Скулиш, О.Д. Бойко, В.В. Остроухов; за заг. ред. Є.Д. Скулиша. – 2-ге вид. – К. : ЗАТ “ВПОЛ”, 2011. – 248 с. 32. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50. 33. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 212 с. 34. Франке Г. Манипулируемый человек / Пер. с нем. / Г. Франке – М. : Политиздат, 1964. – 362 с. 35. Фрейд З. Психология бессознательного : сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский / З. Фрейд. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с. 36. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с. 37. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 / Е.В. Шелестюк. – Челябинск, 2009. – 43 с. 38. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ; науч. ред. Я.Н. Засурский / Г. Шиллер. – М. : Мысль, 1980. – 326 с. 39. Шостром Э. Человек-манипулятор: Пер. с англ. / Э. Шостром. – Мн. : ТПЦ “Полифакт”, 1992. – 128 с. 40. Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slovarus.ru/?di=6281&PHPSESSID>. 41. A Modern Dictionary of Sociology / Edd. G. A. Theodorson, A. G. Theodorson. – N.Y. : Barnes & Noble, 1979. – 469 p. 42. Dijk T. van. Discourse and Power / T. van Dijk. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p. 43. Goodin R.E. Manipulatory politics / R.E. Goodin. – New Haven, L. : Yale University Press, 1980. – 250 p. 44. Hovland C.I. Communication and persuasion: psychological studies of opinion change / C.I. Hovland, I.L. Janis, H.H. Kelley. – L. : Yale UP, 1953. – 315 p. 45. Lakoff R.T. Persuasive discourse and ordinary conversation with examples and advertising / R.T. Lakoff // Analyzing discourse: text and talk / Ed. by Tannen D. – Georgetown : Georgetown UP, 1982. – P. 25–42. 46. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://oxforddictionaries.com/definition/manipulate>. 47. Proto L. Who’s pulling your strings? How to stop being manipulated by your own personalities / L. Proto. – Wellingborough: Thorsons, 1989. – 144 p. 48. Riker W.H. The Art of Political Manipulation / W.H. Riker. – New Haven, L. : Yale University Press, 1986. – 156 p. 49. Rudinow J. Manipulation / J. Rudinow // Ethics. – 1978. – Vol. 88. – № 4. – P. 338–347. 50. Yokoyama O.T. Disbelief, Lies and Manipulations in a Transactional Discourse Model / O.T. Yokoyama // Argumentation. – 1988. – № 2. – P. 133–151.